

УДК 343

Константин Викторович Корсаков

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. E-mail: korsakovekb@yandex.ru

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ФОН ДИСКУРСА ОБ АБСОЛЮТНОМ И УТИЛИТАРНОМ В УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ¹

Статья посвящена подробному рассмотрению и анализу научных установок и представлений, разделяемых большинством ученых в вопросе о сущности, назначении и целях уголовного наказания. Указаны причины появления и основные черты двух доминирующих подходов к уголовному наказанию как социально-правовому институту – абсолютных и утилитарных концепций. Обращается внимание на то, что концептуальный остов абсолютных доктрин уголовного наказания не сводим лишь к правилу талиона, предполагающему буквальную соразмерность наказания преступлению. Сделан вывод о том, что современное уголовное наказание как превалирующий ресурс в противодействии преступности, сохраняя принудительную суть и возмездную сущность, может и должно преследовать конкретные практические цели и задачи. В статье акцентировано внимание на двухстороннем характере принудительности уголовного наказания как акта государственного принуждения и ресурса, угроза применения которого принуждает воздерживаться от совершения общественно опасных деяний. Автором высказаны предостережения относительно возможного в настоящее время отказа от классического равновозмездного уголовного наказания и использования в практике исправительно-принудительного воздействия на преступников разных внеправовых методов, затрагивающих сферу естественных прав человека и не знающих границ интервенции в область личной свободы, здоровья и неприкосновенности.

Ключевые слова: уголовное наказание, парадигмы пенологического знания, карающая справедливость, возмездие, уголовная репрессия, цели наказания, основания уголовного наказания, пенологические доктрины, сущность уголовного наказания.

Дискуссионная проблема о соотношении абсолютных и утилитарных составляющих в содержании и сущности уголовного наказания как сложного и противоречивого институционально-правового образования обозначила себя в теоретической юриспруденции достаточно давно, еще на начальных этапах ее становления. Она существенно обострилась в XIX–XX столетиях, когда был накоплен изрядный метафизический и эмпирический материал, составивший новую парадигмальную основу последующих научных разработок и активно использовавшийся в развернувшейся на страницах юридической и философской литературы острой полемике, затрагивающей данную проблематику. При этом концепции уго-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта конкурсного исследования «Новые парадигмы социального знания» № 12-С-6-1003.

ловного наказания, названные исследователями абсолютными теориями или же теориями воздающей справедливости, получили свое наибольшее развитие в гегельянском и неогегельянском направлениях в доктрине уголовного права, а утилитарные концепции или теории полезности, целесообразности, сформировались и распространились на волне критики выше-названных по мере усиления позитивистских начал в уголовно-правовой и пенологической отраслях научного знания.

Довольно скоро указанные выше концепции оттеснили альтернативные идеи и доктрины, вышли на передний план теоретической науки и начали превалировать, на что в своей интересной работе «Что такое справедливость с точки зрения уголовного права?» обратил внимание еще Г. Геймбергер: «В давней борьбе мнений только два понятия оказались жизнеспособными, они стоят в известном друг другу противоречии. Возмездие и целесообразность – два слова для обозначения обоих направлений» [5, с. 8].

Парадигмы, объединяющие как философов права, так и представителей юридического научного сообщества, в их оценках и подходах к содержанию, телеологической составляющей и сущности института уголовного наказания, традиционно рассматриваются в качестве основания деления предложенных в науке концепций уголовного наказания на утилитарные (прагматические, относительные) и абсолютные (метафизические, умозрительные).

Логическая схема кровомщения и ветхозаветное правило талиона часто объявлялось начальным концептуальным базисом абсолютных концепций [11, с. 105]. В частности, в отношении абсолютных доктрин уголовного наказания начала XX в. отечественный правовед Л.С. Белогриц-Котляревский писал, что «прототипом этих теорий является первобытный практический принцип талиона, отплаты оком за око, зубом за зуб» [1, с. 45].

На наш взгляд, подобные выводы, а равно утверждения, в которых абсолютные концепции уголовного наказания низводятся до одной из исторически известных начальных практических личин идеи справедливой кары, отплаты за нарушение социальных запретов, соответствующей воззрениям архаичных людей на воздаяние за преступление [10, с. 137-138], не совсем корректны и относятся к тому приему научной критики, на который указывал ученый-гегельянец Б.Н. Чичерин в его переписке с философом В.С. Соловьевым: оппоненты абсолютных теорий часто пишут о них, «уродуя противное мнение и затем опровергая свою же карикатуру» [17, с. 481].

Разработчики и апологеты абсолютных концепций уголовного наказания, в частности философы Г.В.Ф. Гегель и И. Кант, писали в своих трудах не о буквальной, «симметричной» соразмерности карательного акта его основанию – совершенному преступлению, а об эквивалентности и адекватности уголовной кары содеянному злу. Г.В.Ф. Гегель, отказывая максималистской и нонконформистской формуле талиона в теоретической состоятельности по причине несоответствия природе конечного, конкретно-эмпирического мира, в котором невозможно абсолютное определение,

остающееся «в области конечного лишь требованием, которое наш рассудок должен очерчивать все более и более точными границами, что является делом чрезвычайно важным, но продолжающимся до бесконечности и допускающим лишь приближение, остающимся верным в продолжении многих лет» [13, с. 153], рассматривал уголовное наказание как находящийся вне каких-либо утилитарных либо прагматических соображений процесс логического развития идеи справедливого воздаяния, как процесс отрицания приватной эгоистичной преступной воли, акт «снятия» преступления и восстановления нарушенного им субъективного и позитивного права.

Ученики и последователи И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, видевшие социально-правовое основание наказания только в прошлом и не ставящие его в зависимость от каких-либо утилитарных задач на будущее, отрицали характеристику наказания как самоцельного акта. Единственно возможной целью, вытекающей из существа уголовного наказания, они объявляли торжество воздающей справедливости, понимаемой ими прежде всего как восстановление нарушенного преступным посягательством общественного равновесия, социального баланса. Абсолютный характер справедливости, запечатленный в данной парадигмальной установке, стал постоянным объектом критики многих европейских ученых-позитивистов, указывавших на то, что осуществление абсолютной справедливости не относится к целям и задачам публичной власти и не может преследоваться ее аппаратом посредством мер принуждения, а цели и задачи уголовного наказания, продекларированные в действующем законодательстве, не могут являться воплощением некоего абстрактного, умозрительного идеала.

Правоведы и философы, относящиеся к основоположникам и эпигонам относительных (утилитарных, прагматических) концепций уголовного наказания, в своих трудах указывали на то, что в абсолютных моделях наказания обнаруживается внутреннее противоречие, обусловленное невозможностью установления непогрешимо точной, универсальной соразмерности между различными по своей природе и характеру явлениями – преступным деянием и уголовным наказанием и отсутствием четкого, универсального критерия для определения меры репрессивного заряда в каждом конкретном случае. Действительно, известные отечественные ученые-правоведы Б.С. Никифоров и М.Д. Шаргородский также констатировали, что вобравшая в себя главным образом идею справедливого воздаяния «теория уголовного права не может логически обосновать необходимость установления в законе конкретного наказания за определенное преступление» [19, с. 203].

В то же время не следует упускать из внимания и то обстоятельство, что парадигма справедливого возмездия, заключая в себе неукоснительные требования соответствия, соразмерности между наказанием и преступлением, не может быть поставлена в зависимость от факта недостижимости их абсолютного равенства. Такая парадигма удовлетворяется как соотношением путем приложения стандартов материального талиона, так и

эквивалентным, пропорциональным соотношением соразмерности наказания преступлению, не содержит вневременных эталонов и не предлагает способы и средства его установления. Оно происходит на основе существующих в обществе взглядов, представлений о справедливости, варьирующих от признания лишь буквальной симметрии и идентичности до корреляции и адекватности наказания в рамках его заданных границ, низшего и высшего пределов, выход за который будет рассматриваться как недопустимое несоответствие.

Советские юристы часто в своих фундаментальных трудах отмечали, что масштабы измерения соответствия тяжести преступления и наказания не абсолютны. Они зависят от уровня развития общества, господствующей в нем идеологии, иерархии социальных ценностей и морали. С этим невозможно не согласиться. Идея справедливого возмездия всегда находится в логической связи и апеллирует к нравственным воззрениям и представлениям, которые философ права Р. Шмидт, назвал «социальными», так как от них зависит определение критериев, лимитов и рамок при разрешении вопроса о мере уголовной кары. Как отмечал П. Росси, ответ на вопрос о соотношении тяжести преступления и реакции на него «мы найдем в обычаях, в религии и во всей жизни общества. Таким образом, мы узнаем тахітм страдания, которым общество может поразить виновного без совершения деяния, несправедливого в его существе» [3, с. 361-362].

На указанное выше обстоятельство не раз обращал внимание и Г.В.Ф. Гегель, подчеркивая, что «правовой смысл возмездия состоит в установлении наказания, равного по ценности преступлению... Установление ценностных эквивалентов в сфере права есть область, где господствует условность», так как «в этой области абсолютные определения невозможны» [15, с. 40]. Аналогичного мнения придерживался И. Кант, который также как и Г.В.Ф. Гегель указывал на несостоятельность ветхозаветной формулы талиона как сугубо материального, симметричного возмездия и требовал примерного, относительного равенства уголовного наказания преступлению по степени интервенции в сферу прав, законных интересов и свобод индивида и отображения в содержании каждого акта уголовной репрессии социально-психологического и нравственно-правового характера преступного деяния, совершенного преступником.

Г.В.Ф. Гегель рассматривал уголовное наказание как находящийся вне утилитарных и прагматических соображений процесс эволюционного развития концепта воздаяния и как процесс отрицания эгоистичной преступной воли (*mens rea*), снятия преступления и восстановления нарушенного им права, подчеркивая, что наказание во имя соответствия требованиям справедливости извлекается из самой природы преступления как налично сущей воли. Он отмечал: «Снятие преступления есть возмездие постольку, поскольку это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем и тем самым его отрицание как наличное бытие имеет такой же объем,

ведь и справедливость требует, чтобы воля, посягнувшая на охраняемую уголовным правом свободу другого, была столь же стеснена в своей свободе» [4, с. 148-149].

Гегельянское учение, воспринятое многими немецкими и российскими учеными-правоведами, оказало большое воздействие на уголовно-правовую доктрину и законодательство многих европейских стран, относящихся как к континентальной (романо-германской), так англо-саксонской правовым семьям, на что обращали внимание видные отечественные исследователи, в частности профессора Ф.М. Решетников и А.А. Пионтковский. Думается, что это объясняется совпадением его появления с тем периодом в мировой истории уголовного наказания, который юрист-гегельянец Ю.Ф.Г. Абегг, посвятивший этому сложному вопросу отдельную монографию, характеризовал как «возврат справедливости в смысле разумно-нравственной отплаты с присоединением к ней утилитарных соображений» [7, с. 149].

Последователи Г.В.Ф. Гегеля, признававшие уголовное наказание ретроспективным актом, основание которого коренится только в прошлом и не зависит от утилитарных задач на будущее, довольно скоро начали отрицать характеристику наказания как самоцельного акта. Единственной, прямой целью, вытекающей из возмездной сути наказания, они объявляли восстановление нарушенного преступным деянием социального равновесия. Но такое нередко понималось не иначе как заглаживание лишь созданных у сторон-участников впечатлений торжества преступной воли и ощущения вседозволенности у преступника и негативных чувств и эмоций, испытываемых потерпевшими.

Осознание того, что акт справедливого возмездия, в котором отражены господствующие в том или ином обществе представления о справедливости, не всегда порождает эмоции, составляющие необходимый субститут для замещения ранее возникших отрицательных чувств и эмоций. Он может и вовсе не восприниматься как должное потерпевшей стороной, жаждущей расправы, линчевания либо напротив примирения и прощения обидчика. Не всегда адекватно акт возмездия воспринимает и сам преступник, в частности, отличающийся цинизмом, крайней жестокостью или обладающий собственной системой ценностей. Это привело, на наш взгляд, ученых-гегельянцев к правильному пониманию данной цели как восстановлению социальной справедливости, то есть равновесия, гомеостаза, порядка в глазах социального большинства. Хотя для многих, например для Г. Штоса и А.А. Жижиленко, такая осталась привходящим несущественным моментом, сопутствующим побочным эффектом или же неким модусом публичного возмездия.

В то же время основная идея рассматриваемого нами парадигмального лагеря в мировой пенологической мысли, заключающаяся в том, что неотвратимое уголовное наказание разумно и необходимо, так как «его требует справедливость, воздающая каждому по заслугам, а потому не шаткими и изменчивыми соображениями полезности, а требованиями аб-

солютной справедливости должно руководствоваться государство в своей карательной деятельности» [16, с. 57], продолжала являться для них от-правной и объединяющей.

Акцентирование внимания в этой сентенции на абсолютном харак-тере справедливости стало основанием для критики как со стороны при-верженцев относительных теорий наказания, так и ученых, не принадле-жащих к таковым. В частности, немецкий юрист и философ Г. Йешек, признавая логической сутью уголовного наказания справедливое возмез-дие, смысл которого он видел в том, что уголовное наказание «должно сделать ничтожным виновное деяние на основе принципа восстано-вленной справедливости» [9, с. 78], отмечал, что осуществление абсолютной справедливости недостижимо и не может служить ориентиром в области правоприменения.

В данном авторитетном мнении подчеркивается не ставящаяся под сомнение невозможность воплощения относящегося к разряду идеально-абсолютного в реальной человеческой действительности. Однако не со-глашаясь с этой мыслью, а равно с точкой зрения апологетов метафизиче-ских концепций в части утверждения абсолютного характера справедли-вости, питающей концептуальную матрицу возмездия, а не относительной ее природы (уже в силу детерминации представлений о ней социально-историческим континуумом), отметим, что аксиологическое значение лю-бого идеала, в том числе и такого как право, сама необходимость его фор-мирования и наличного бытия, заключается в желании бесконечного стремления к нему, в постоянной ориентации на таковой, в том числе, и в области государственно-правового строительства и очерчивания границ поведения индивидов.

Стремление к абсолютному и отдаленному благу, как известно, при-знается в сферах современной морали и законов этики высшей нравствен-ной ступенью. Менее ценна ориентация на малое, ближайшее, утилитар-ное и сиюминутное. Профессор В.М. Бозров писал в отношении юриспруден-ции в целом, что не целесообразность применения, а «само право как абсолют выступает высшей истиной» [2, с. 57].

Пенитенциарная практика последовательно совершенствуется наря-ду с эволюционным развитием идеи справедливого возмездия, которая, меняя внешние формы, средства, масштабы и эталоны, стремится к недос-тижимому абсолюту. На каждой исторической ступени развития отража-ются реальные воззрения людей на справедливость, обладающую форма-ционно-временным содержанием, непостоянным и перманентно варьи-рующим, но продолжающим отражать сущность общественного идеала, который не может довольствоваться однажды достигнутым.

Точку зрения правоведов, объявляющих идею справедливого воз-мездия метафизической, чересчур абстрактной и отвлеченной от насущной действительности, мы не разделяем по причине того, что эта идея была порождена необходимостью, условиями и требованиями социальной жиз-ни, общественного взаимодействия. Она имеет под собой и психологиче-

скую основу, на что указывают, в частности, суждения немецкого философа А. Меркеля: «Возмездие не есть изобретение наших законодателей и не есть учреждение, которое вообще когда-либо может быть отменено по какому-нибудь приказанию власти, оно есть явление, лежащее в объективной природе человеческих дел» [18, с. 25]. Правовед Г. Майер писал здесь же о том же: «только в искупляющем возмездии за виновное деяние можно найти правовое оправдание государственному наказанию».

Парадигма воздающей справедливости на каждом из этапах своего использования в человеческой практике, согласующаяся и находящаяся в соответствии с уровнями культурного и социально-правового развития, морали, сознания и мышления людей, текущей общественной оценкой тяжести того или иного преступного деяния, его социальной опасности, не позволяет согласиться с позицией ряда теоретиков, таких как Ю. Варга, Д. Керлер. Они нередко безосновательно гиперболизируют некие инстинктивно-психологические составляющие данного научного подхода и объявляют его происходящим исключительно из чуждого гуманности чувства мстительности, проводит мысль о нацеленности ее только на намеренное причинение преступнику страданий, противоречащих требованиям этики.

Подобное обстоятельство обуславливает превалирование в его содержании карательных элементов, призванных обеспечить соответствие, возможное, однако, и при полном отсутствии таковых при малозначительности деяния (как писали ученые-гегельянцы, уголовное наказание может носить и символический характер, оно может ограничиваться порицанием и публичным осуждением виновного при сохранении возмездной сущности в случае крайне низкой степени общественной опасности проступка). Поэтому схема карающего возмездия не нацелена, а как еще верно заметил профессор Б.С. Никифоров при характеристике им уголовной репрессии, «предполагает принуждение к страданию, которое по своему характеру и длительности пропорционально, соразмерно совершенному преступником злему делу, преступлению» [14, с. 27].

В данном случае как объем ограничений, так и иные их качественно-количественные параметры зависят не только от меры наказания, но и от формы и вида такового, избирающегося также исходя из оценки содеянного и проявившихся в нем личных свойств преступника для установления требуемого социальной справедливостью соответствия. Осознание наказываемым наличия последнего, на наш взгляд, даже с позиций социума, в котором он существует, а не собственной субъективной точки зрения, выступает не только важной предпосылкой, фактором, но и в подавляющем большинстве случаев залогом достижения поставленной законодателем цели его исправления и перевоспитания.

Разделяя мнение авторов и адептов абсолютных доктрин уголовного наказания, которые воздаяние признавали сущностью наказания, утверждая нахождение этой сущности вне зависимости от каких-либо утилитарных задач или начал целесообразности, мы можем в то же время возражать против распространенных в научной литературе утверждений об

антагонизме и практической несовместимости двух парадигмальных пластов. Это – абсолютные концепции наказания, утверждающие ретроспективный его характер, а также теорий полезности наказания, нацеливающих на будущую нейтрализацию заключающейся в преступнике общественной опасности. Кроме того, это также есть предупреждение ее возникновения со стороны других членов социума, вне сомнения, имеющих отдельное собственное аксиологическое значение.

Полагаем, что никакая абсолютная модель уголовного наказания не может быть отрешена и разделена непроходимой стеной от идей целесообразности уже в силу того, что в современной нам реальности таковые заложены и отражены в воззрениях людей на справедливость, неразрывно связанных со схемой воздаяния. Они давно осознали эти представления и укоренились в них, проявляя себя в идеях подчинения деятельности по отправлению уголовного правосудия и понимая, что нецелесообразное не может быть справедливым, а несправедливое – целесообразным.

Неверным, на наш взгляд, является безапелляционное мнение ряда представителей абсолютных доктрин о том, что перед уголовным наказанием как ретроспективным актом карающей справедливости вообще не могут быть поставлены никакие цели и задачи. Любое публичное наказание порождает определенные эмоции, переживания и психические изменения как у наказываемого преступника, так и у потерпевшего от преступления, и у общественности. Именно этот резонанс приобретает значение и учитывается социальными демиургами в качестве целей, ориентиров, желаемых результатов правоприменительной репрессивной деятельности.

Уже сама угроза неотвратимого и справедливого наказания, уголовной ответственности за содеянное оказывает дрессирующее воздействие на сознание потенциальных правонарушителей, неустойчивых лиц и злоумышленников, зачастую заставляет их не совершать преступные посягательства. Принудительный характер уголовного наказания выражается не только в том, что в форме наказания к преступнику со стороны органов публичной власти применяется насилие (действия, осуществляемые против воли наказываемого), но и в том, что сама возможность применения мер уголовной ответственности постоянно воздействует на каждого отдельно взятого неустойчивого индивида и таким образом «принуждает» его воздерживаться от нарушения социальных табу.

Среди субстратов института уголовного наказания наряду с культурно-историческими, психологическими и нравственно-этическими элементами заметное место принадлежит социально-политическому фактору, который во многом наполняет сферу публичного наказания целесообразностью и утилитарными, прагматическими соображениями (например в зависимости от политико-экономической конъюнктуры решается вопрос о возможности использования принудительного, обязательного, труда осужденных к лишению свободы), состыковки и консонанс которых с возмездной сущностью наказания относятся к приоритетным задачам науки уголовного права и философии наказания.

Будучи правовым средством и инструментом социального воздействия, продолжая обладать приматом в современном наборе средств реагирования на нарушение наиболее значимых социальных нормативов, уголовное наказание в современном обществе призвано не только ликвидировать разрушительные последствия и результаты преступного акта, восстанавливая общественную справедливость, поддерживая авторитет закона и государства, но и отрицая, подавляя преступную волю правонарушителя. Оно должно быть направлено на детерминанты, опосредовавшие уголовно наказуемое деяние, координируясь при этом с результатами научных работ, достижениями позитивного знания. Поэтому современное уголовное наказание, сохраняя имманентную ему принудительную суть и релевантную возмездную сущность, вполне может и должно преследовать конкретные практические цели.

Действительно, если сводить конструкт воздающей справедливости исключительно к правилу талиона – одному из форматов материального соответствия наказания преступлению, или представлять его в виде умоглядного концепта, который довольствуется только недостижимым абсолютным соотношением, то между таковым и идеей целесообразности возникнут неустранимые коллизии. Однако мера реактивного воздействия, необходимая для следования теории справедливого воздаяния, не абсолютна. Ее лимитируют устанавливаемые карающей справедливостью высший и низший пределы, которые позволяют преследовать в их рамках, задаваемых ими демаркациях утилитарные задачи, не отрицая при этом ни начал справедливости, ни самой сущности воздаяния.

В рассматриваемом здесь варианте соотношения возмездной сущности и целей уголовного наказания последние предопределяют размер наказания в пределах очерченных идеей воздаяния барьеров на пути интервенции в сферу личных прав и свобод наказываемого. Однако при этом они занимают подчиненное положение по отношению к самой доктрине возмездия и тем представлениям о справедливости, которыми она насыщается. Следование указанным целям должно быть замкнуто сектором – может осуществляться лишь в возведенных принципом справедливости пределах, препятствующих нарушению возмездные основы наказания.

Рамки, о которых ведется речь, совпадают с дозволенными границами наказуемости. Они предотвращают их возможное размывание, приводящее не только к ощущению социальной несправедливости, но и к нарушению личных прав, свобод и законных интересов наказываемых, к произволу при расходовании средств уголовной репрессии, особенно в тех нередких случаях, когда избрание тех или иных видов, форм, объемов и продолжительности наказания, явно нарушающее принцип соответствия и выходящее за барьеры, установленные ретрибутивной справедливостью, оправдывается преходящей сиюминутной полезностью, конъюнктурной выгодой наказания.

В настоящее время следование парадигмам приверженцев абсолютных доктрин уголовного наказания не препятствует апробации и осуществ-

влению во многом утилитарного по своей сути восстановительного правосудия. Часто это называется инновационным подходом к преступлению и наказанию, компромиссным путем урегулирования социального конфликта берущего свое идейное начало из работ конца XIX столетия. В основном такое присуще делам частного обвинения, делам о преступлениях небольшой тяжести и с участием несовершеннолетних обвиняемых). Полное восстановление нанесенного ущерба, дополненное в этом подходе, при котором в центре внимания оказываются интересы и потребности потерпевшего, иными способами заглаживания нарушителем своей вины, носит возмездный характер, с очевидной необходимостью предполагает совершение в пользу пострадавшей стороны ряда действий по принципу эквивалентного воздаяния и не противоречит современным требованиям социальной справедливости.

Таким образом, на наш взгляд, постановка в законодательстве перед уголовным наказанием ряда практических целей не противоречит его возмездной природе, если данные интенции подчинены и согласуются с актуальными для текущего момента времени императивами воздающей справедливости и пенеологическим принципом соразмерности.

Полагаем, что своим основным смыслом и значением данные задачи, прямо отражающиеся на деятельности по отправлению правосудия по уголовным делам и ее конечных результатах, думается, наполняются и начинают их проявлять лишь в процессе исполнения уголовного наказания. Их достижение зависит в первую очередь от администрации и персонала пенитенциарных учреждений, от их компетенции, профессионализма и эффективно налаженной исправительно-воспитательной работы, а также от оптимального функционирования всей уголовно-исполнительной системы государства. В отличие от высокой цели восстановления социальной справедливости, реализацию которой обеспечивают органы судебной власти, сотрудники исправительных учреждений должны исполнять роль правоприменителей, руководствующихся в своей деятельности прежде всего уголовно-исполнительным законодательством.

В данной связи нельзя не согласиться со словами правоведа Франца фон Листа, последовательно развивавшего мысль о том, что один и тот же человек не может и не должен одновременно и карать, и воспитывать: «Не судья, а начальник карательного заведения определяет значение и содержание уголовно-судебного решения, и он, а не законодатель, вносит в мертвые карательные угрозы жизнь и силу» [12, с. 28].

Гиперболизация целевой ориентации, смещение акцента на утилитарные, прагматические составляющие публичного наказания, а равно утверждение главенства идей рациональности и полезности в применении уголовных санкций неизменно приводят к отрицанию первоначальной, центральной и вневременной идеи наказания – принципа воздающей справедливости. Важно соблюдать принцип его равновозмездной сущности. Однако нередко вытекающая из данных установок и сентенций постановка утилитаристами и криминологами-позитивистами вопроса о

неэффективности, идейной эрозии, аморальности уголовного наказания оборачивается реакционными предложениями о закреплении и реализации еще более безнравственных и негуманных средств противодействия преступности. Практика их претворения в жизнь напоминает иногда сюжеты произведений О. Хаксли, Д. Оруэлла и Е. Замятина, фильма-антиутопии К. Уиммера «Эквилибриум».

Именно ученые, выступавшие против равновозмездного наказания и вообще против уголовного наказания как такового, явились инициаторами распространения на систему исправления преступников разработанной в 1935 г. нейрохирургом Эгашем Монишем лоботомии – хирургической операции по исключению влияния лобных долей мозга на структуры центральной нервной системы, которая якобы способна устранить садистскую склонность к агрессивности. Таламотомия – хирургическая операция по разрушению отдельных участков таламуса – области мозга, отвечающей за перераспределение информации от органов чувств к коре головного мозга. Транскраниальная магнитная стимуляция – метод лечения психически больных людей, основанный на расположении возле головы электромагнитной катушки, создающей мощное и постоянно изменяющееся магнитное поле, которое проникает в мозговую ткань и создает в ней переменный электрический ток.

Теоретическим основанием подобных манипуляций с преступниками явилась концепция английского ученого-позитивиста Д. Стэффорда-Кларка о связи жестокости и насильственного преступного поведения с нарушениями ритмов мозговых волн, которая, как утверждал исследователь, была им выявлена в ходе электроэнцефалографических опытов и сравнения энцефалограмм серийных убийц, насильников и маньяков с энцефалограммами законопослушных людей. Данная практика просуществовала довольно продолжительное время несмотря на то, что уровень смертности по результатам проведения таких операций достигала более 10%. А также подобная интенсивная терапия повсеместно приводила к инвалидности и эпилептическим припадкам у преступников [8, с. 123].

По сообщениям криминологов на Шестнадцатом мировом конгрессе Международного криминологического общества в г. Кобе в настоящее время в ряде государств мира в целях предупредительного воздействия на особо опасных преступников по-прежнему продолжают использовать не имеющие никакого отношения к уголовному наказанию и принципу справедливого воздаяния электрошоки и разработанную немецким психиатром А. Кронфельдом методику инсулиновых шоков – коматозных состояний, достигающихся посредством введения в организм преступника большой дозы инсулина. Эти внеправовые процедуры были позаимствованы из медицинской практики лечения трудно поддающихся терапевтическому воздействию разновидностей тяжелых психических расстройств, в частности отдельных форм шизофрении [6, с. 82].

Достижение заявляемой при использовании электрошока и способов медикаментозного воздействия цели – снижения нервного и эмоционально-

го напряжения, устранение чувства тревожности, различных параноидальных проявлений и маний, регенерация памяти и превращение преступника в тихого и умиротворенного человека – не раз подвергалась сомнению. Специалисты в области медицины, а равно юристы и правозащитники, указывали на печальный опыт «лечения» подобными методами и приемами инакомыслящих в тоталитарных и авторитарных государствах на протяжении XX столетия. В частности, эти методы применяли к противникам авторитарного режима Франсуа Дювалье в Гаити, советским диссидентам, преследовавшимся за политические убеждения и нередко преступным образом помещавшихся в психоневрологические диспансеры и лечебницы [8, с. 68].

Указанные откровенные формы произвола и грубого посягательства на основные и неотъемлемые права человека, какой бы рациональностью и полезностью они не оправдывались, не могут использоваться в современной социальной и юридической действительности, так как они приводят к отрицанию самодовлеющего и вневременного начала правового института уголовной ответственности. В его сущностной основе изначально заложен выстраданный человечеством за тысячелетнюю историю уголовного преследования коррелятивный принцип, проистекающий из идеи воздающей справедливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Киев : Южно-Рус. книгоизд-во, 1903. 618 с.
2. *Бозров В.М.* Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1999. 232 с.
3. *Будзинский С.* Начала уголовного права. Варшава : Тип. Д.Е. Кожанчикова, 1870. 362 с.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
5. *Геймбергер Г.* Что такое справедливость с точки зрения уголовного права? СПб. : Тип. Н.К. Мартынова, 1904. 33 с.
6. *Герцензон А.А.* Новейшая биопсихологическая концепция криминологии // Правоведение. 1968. № 1. С. 123-128.
7. *Жижиленко А.А.* Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных мер. СПб. : Тип. Правда, 1914. 676 с.
8. *Каллистратова С.В.* Под следствием М. : Изд-во Моск. Хельсин. группы, 1992. 187 с.
9. *Козаченко И.Я., Корсаков К.В.* Криминология : учебник. М. : Норма ; Инфра-М, 2011. 304 с.
10. *Ковалев М.И.* Проблемы уголовной ответственности в труде профессора Г. Йешека «Учебник уголовного права. Общая часть» // Правоведение. 1990. № 6. С. 77-81.
11. *Корсаков К.В.* Причины и условия возникновения институтов кровной мести и изгнания в социальной практике // Рос. юрид. журн. 2005. № 4. С. 137-142.
12. *Корсаков К.В.* Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, в ракурсе теории уголовного права и криминологии // Рос. юрид. журн. 2006. № 2. С. 105-110.
13. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М. : Инфра-М, 2004. 110 с.
14. *Малинова И.П.* Классическая философия права. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 2004. 68 с.
15. *Ной И.С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юрид. исслед. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1973. 193 с.

16. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и его уголовно-правовая теория. М. : Изд-во юрид. лит., 1963. 468 с.

17. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда : Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ун-та, 1999. 447 с.

18. Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1997. 555 с.

19. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1973. 160 с.

20. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М. : Изд-во юрид. лит., 1958. 239 с.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2014 г.

Konstantin V. Korsakov, Candidate of Law, associate professor, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: korsakovekb@yandex.ru

PARADIGMAL BACKGROUND OF DISCOURSE ON ABSOLUTE AND UTILITARIAN IN CRIMINAL PENALTY

Abstract: the article is devoted to detailed review and analysis of scientific attitudes shared by the majority of scientists concerning the question of the nature, purpose and objectives of criminal punishment. The reasons and main features of two dominant approaches to criminal penalty as socio-legal institute – the absolute and utilitarian – are pointed out. The attention is drawn to the fact that conceptual frame of absolute doctrines of criminal punishment cannot be reduced only to the rule of the Talion, which presupposes the literal proportionality of punishment and crime. The conclusion is made that contemporary criminal penalty as the predominant resource in combating crime, which keeps the enforced and reimbursable essence, can and should pursue concrete practical goals and objectives. The article focuses on the two-fold nature of criminal punishment as an act of state coercion and resource, when the threat of its use enforces refraining from committing socially dangerous acts. The author expressed reservations about the current possibility to refrain from classic criminal punishment, and instead to use the variety of extra-legal methods of penalty practice, which affect natural human rights and have no borders of the intervention into the area of personal freedom, health and immunity.

Keywords: criminal punishment, paradigm, penological knowledge, retributive justice, retribution, criminal repression, the purpose of punishment, the grounds of criminal punishment, penological doctrine, the essence of criminal punishment.

The transliteration of the list of literature (from the cirillic to the latin symbols) is submitted below

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Belogric-Kotljarevskij L.S.* Uchebnik russkogo ugovolnogo prava. Kiev : Juzhno-Rus. knigoizd-vo, 1903. 618 s.

2. *Bozrov V.M.* Sovremennye problemy rossijskogo pravosudija po ugovol'nym delam v dejatel'nosti voennyh sudov (voprosy teorii i praktiki). Ekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. jurid. akad., 1999. 232 s.

3. *Budzinskij S.* Nachala ugovolnogo prava. Varshava : Tip. D.E. Kozhanchikova, 1870. 362 s.

4. *Gegel' G.V.F.* Filosofija prava. M. : Mysl', 1990. 524 s.

5. *Gejmbberger G.* Chto takoe spravedlivost' s točki zrenija ugovolnogo prava? SPb. : Tip. N.K. Martynova, 1904. 33 s.

6. *Gercenzon A.A.* Novejšhaja biopsihologičeskaja koncepcija kriminologii // *Pravovedenie*. 1968. № 1. S. 123-128.
7. *Zhizhilenko A.A.* Nakazanie. Ego ponjatie i otlichie ot drugih pravoohranitel'nyh mer. SPb. : Tip. Pravda, 1914. 676 s.
8. *Kallistratova S.V.* Pod sledstviem M. : Izd-vo Mosk. Hel'sin. gruppy, 1992. 187 s.
9. *Kozachenko I.Ja., Korsakov K.V.* Kriminologija : uchebnik. M. : Norma ; Infra-M, 2011. 304 s.
10. *Kovalev M.I.* Problemy ugovolnoj otvetstvennosti v trude professora G. Jesheka «Uchebnik ugovolnogo prava. Obshhaja chast'» // *Pravovedenie*. 1990. № 6. S. 77-81.
11. *Korsakov K.V.* Prichiny i uslovija vznikovenija institutov krovnnoj mesti i izgnanija v social'noj praktike // *Ros. jurid. zhurn.* 2005. № 4. S. 137-142.
12. *Korsakov K.V.* Ubijstvo, sovershennoe po motivu krovnnoj mesti, v rakurse teorii ugovolnogo prava i kriminologii // *Ros. jurid. zhurn.* 2006. № 2. S. 105-110.
13. *List F.* Zadachi ugovolnoj politiki. Prestuplenie kak social'no-patologičeskoe javlenie. M. : Infra-M, 2004. 110 s.
14. *Malinova I.P.* Klassičeskaja filosofija prava. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. jurid. akad., 2004. 68 s.
15. *Noj I.S.* Sushhnost' i funkcii ugovolnogo nakazanija v sovetskom gosudarstve: politiko-jurid. issled. Saratov : Izd-vo Saratov. gos. un-ta, 1973. 193 s.
16. *Piontkovskij A.A.* Učenje Gegelja o prave i ego ugovolno-pravovaja teorija. M. : Izd-vo jurid. lit., 1963. 468 s.
17. *Sorokin P.A.* Prestuplenie i kara, podvig i nagrada : Sociologičeskij jetjud ob osnovnyh formah obshhestvennogo povedenija i morali. SPb. : Izd-vo Rus. hristian. gumanit. un-ta, 1999. 447 s.
18. *Chicherin B.N.* Izbrannye trudy. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 1997. 555 s.
19. *Shargorodskij M.D.* Nakazanie, ego celi i jeffektivnost'. L. : Izd-vo Leningr. gos. un-ta, 1973. 160 s.
20. *Shargorodskij M.D.* Nakazanie po sovetskomu ugovolnomu pravu. M. : Izd-vo jurid. lit., 1958. 239 s.